
СОВРЕМЕННЫЕ ПИСАТЕЛИ СИБИРИ

(Рубрику ведет Тамара Булевич, г. Красноярск)

Иннокентий Медведев
(г. Братск)

Иннокентий Петрович Медведев, родился в деревне Банициково Н-Илимкого р-на в 1963 г. Живет и работает в г. Братске, Иркутской обл. Юрист. Генеральный директор охранного агентства. Автор пяти поэтических сборников: «Запах Жизни», «Звезда Удачи», «Любовь Рождения и Смерть», «Проказы Венеры», «Грешный Рай». В настоящее время опубликованы подборки стихотворений в таких известных сибирских изданиях, как журналы «Сибирь» (г. Иркутск), «Истоки» (г. Красноярск) в альманахах «Синильга» (г. Новосибирск), «Северомуйские огни» (г. Северомуйск).

МОЙ РАЙ

Вот он Рай на земле! Вот мой Рай!
И другого мне Рая не надо.
Этот дивный березовый край
И душа моя этому рада.

Я не видел такой красоты,
Я не видел берез в два обхвата.
На поляне ручей и цветы —
Здесь земля красотой богата.

Игры бабочек, трепет стрекоз,
Пенье птиц, радость этого лета,
Завитки у красавиц берез —
Все для жизни и сердца поэта.

Ты молчи, нам слова не нужны,
Лишь с природой в целое слейся!
В свою душу скорей загляни.
Пей вино, дорогая, и смейся!

Ты любовь мне свою подари
В окружении дивного сада.
Буду рядом с тобой до зари
И другого мне Рая не надо!

ВСЕ МЫ ГОСТИ ЗЕМЛИ

Говорят, что душа покидает
Наше тело, когда мы умрем.
Бог ее на свой суд призывает
Этот миг перед смертью мы ждем.

И когда-нибудь снова на землю
Бог отпустит ее погостить.
Эту радость я то же приемлю,
Чтобы вновь по Земле походить.

Вновь младенцем меня примет мама
И напоит грудным молоком.
Вновь идти по Земле буду прямо
И гулять по росе босиком.

Я не знаю, кем буду, кем стану
И как буду с удачей дружить,
Но когда-нибудь утречком ранним
На могилку решу я сходить.

На свою, где мой прах похоронен.
Где мой камень надгробный стоит.
...Как всегда пьяный сторож там бродит,
Мутным взглядом на рюмки глядит.

Постою возле праха поэта,
Вспомню прошлую жизнь и судьбу.
Может быть, и не так будет это,
Но по кладбищу с грустью пройду.

Посмотрю на знакомые лица,
Помяну всех церковным вином.
Не забуду я им поклониться.—
И покажется прошлое сном.

БЕРЕЗКА

Сколько ж лет, скажи, березке этой,
Под которою сейчас лежу?
На траве, что солнышком согрета,
В небеса далекие гляжу.

Сколько лет тебе еще осталось
Шелестеть зеленою косой,

Чтоб земля все так же улыбалась
Радуя людей своей красотой.

Ветер где-то в листьях затерялся
Шелестит веселою листвою.
Будто это ангел рассмеялся
Над моей белокурой головой.

Может быть, какой-нибудь повеса
Под тобой, березонька, лежал.
И когда он уходил из леса
Белый стан твой нежно целовал.

Так прими и ты мои объятья!
Так прими и мой ты поцелуй!
И подолом ситцевого платя
На ветру немного побалууй!

Вырвавшись из жизненного плена
Знаю я, нам нет пути назад.
Как и я, и ты, березка, тленна,—
Оттого я встречи нашей рад.

У БЕРЕЗКИ

Возле этой березки назначал я свиданья.
Возле этой березки наши встречи прошли.
И под той же березкой возникали желанья,
От которых тогда, чуть с ума не сошли.

Только время не спросит, чего бы хотелось.
Только время куда-то от нас все спешит.
Время то далеко-далеко улетело.
Так, что путь нам земной в одиночку вершить.

Я сижу у березки, у той же березки
Под которой с тобой время я проводил.
И бросаю наброски, на листочек неброский,
Про свидания те, что еще не забыл.

И когда-нибудь ты у березоньки этой
Посидишь, погрустишь, никого не виня.
Пусть согреют тебя эти строчки поэта.
Как когда-то и ты согревала меня.

* * *

Когда-нибудь и я умру
И мне лежать в сырой могиле.
А ты, заглянешь поутру
Сказать: «Тебя мы не забыли...»

Печально слезы уронив,
Протрешь сырой ладошкой фото...
Но в этот миг я молчалив,
А ты все спрашиваешь что-то...

Ну что ж, в моих глазах прочтешь,
Что не успел сказать когда-то.
И не спеша домой пойдешь,—
Жизнь продолжается, как надо.

Покинув фото, образ мой
Тебя проводит по аллее.
Вдруг ты прошепчешь: «Дорогой...»,—
О не свершившемся жалея.

Поверь, родная: я с тобой
Душа моя с тобою рядом.
И вместе мы идем домой.
Ведь смерть мне в этом не преграда.

ТАКОВА ФИЛОСОФИЯ

Щуря глаз и урча на нелепости жизни,
Кот не раз предрекал катаклизмы в Отчизне.

«Суета. Маята. Тащат в дом и из дома —
Это мне непонятно и так незнакомо!..

Только дети у них — в шоколаде ребята —
Веселы и добры, словно наши котята.

Посмотри, как на шелковой травке играют.—
Ни тревог, ни проблем эти дети не знают.

Рады солнцу они, раду небу и мигу,
Рады каждому вздоху и каждому крику.

Сколько в них уместилось счастливого смеха!
Светлым праздником вторит им летнее эхо.

...Почему у взрослых не так все бывает,
Злость и зависть к друг другу со света сживает?»

...Кот лежал на крыльце размышляя о жизни:
«Почему у людей нет согласия в Отчизне?»

...Вскоре кошка пришла — принесла ему мышку,—
И философ закрыл философии книжку.

Борис Туров
(г. Дивногорск)

ОСЕНЬ ВЫШЛА НА СМОТРИНЫ

Родился 8 августа 1938 года в с. Устьянке Абанского района Красноярского края. Служил в пограничных войсках на границе с Финляндией. Закончил художественно-графический факультет Красноярского пединститута. Работал учителем рисования и черчения в родном селе и г. Норильске. Позже художником в г. Норильске, г. Красноярске, г. Дивногорске. Последние 15 лет, перед пенсией, в Художественном фонде Красноярского отделения Союза Художников.

Участник городских, краевых и зарубежных выставок. Работы находятся в частных коллекциях россиян и за рубежом: в Японии, Америке, Германии, Польше и др. Часть работ хранится в фондах городского Художественного музея. Вышли в свет 5 книг стихов: «Отчий край», «Отблески зари», «В вечном полете», «Запоздалое эхо», «В плену ожиданий» и шесть коллективных сборников. Член Профессионального Союза Художников России, член Союза писателей России.

НА ЭТЮДАХ

Осень вышла на смотрины.
Новых нет пока вестей.
Надо сделать для картины
Три этюда на холсте.

Надо выверить пространство,
Взвесить тон, прищурив глаз,
И с присущим постоянством
Выбрать кисть на этот раз.

Оглядеться и, погресив,
Окунуться в ту среду,
Где примолкнувший березник
Моет золото в пруду.

Где уснул заблудший ветер.
Где привольно и легко.
Где река поймала в сети
Стаю белых облаков.

А еще, к закату ближе,—
Бросить взор на водоем,

Где волна огнями лижет
Трав прибрежных окоем.

К ней склоняется в печали
Ива, косы намочив...
Лодка сохнет на причале,
Редкий случай улучив.

Надо сделать три этюда.
Цель понятна и проста.
Только как мне это чудо
Разместить внутри холста?

* * *

Январь в дыму, а я весною брежу
Сквозь мертвый снег — струится запах роз.
Летят года. Все сдержанней и реже
Впадаю я в пучину вешних грез.

Грядущий день, как сон, не предрекаем,
Необозрима призрачная даль.
Я с нежной грустью трогаю руками
Промерзших веток белую вуаль.

И, словно цвет черемухи душистой,
Мне осыпает плечи белый пух.
В ночной тиши мороза гулкий выстрел
Вдруг растревожил память и потух.

Мне каждый звук и каждый запах дорог,
Когда в душе и мире Божьем лад:
Заросший пруд, травы увядшей шорох,
Сухой рассвет, случайный женский взгляд.

И журавлей в осеннем небе стая,
Грибной туман, и сонный всплеск весла...
Утратить все и этот мир оставить?
Немыслимо — без чувств, без ремесла,

Без ярких встреч и трепетных рассветов,
Глухой тоски, раздумий о былом,
О тех, кто здесь, и кто витает где-то,
Где все пределы снегом замело...

Когда смирюсь, и горький час настанет
Прощаться и прощения просить,
Я верю, что связующая нить
Не оборвется, и не перестанет
Душа и там терзаться и любить.

* * *

Мой отчий край — мое начало,
Я чувств к тебе не остужу.
С какой-то бережной печалью
Я тихо в прошлое вхожу.

Здесь пролегали детства вехи
Через проселки и леса.
Я к вам с надеждою приехал —
Этюды светлые писать.

Все близко здесь и все знакомо:
Подворья, запахи, рассвет.
Но только низенького дома
С девчонкой у калитки нет.

И брезжит мне под звон капли
Давно забытая пора...
Мы здесь на лавочке сидели
У обветшалога двора.

Потом глядели в пруд заросший,
Где звезды таяли в дыму...
Я с болью думаю о прошлом
И что со мною — не пойму.

Считал — былое не отпустит.
Жестока жизнь, но и права.
Глаза девчонки с нежной грустью
Я начинаю забывать.

Уйдет история простая.
Исчезнет призрачно из глаз.
Тропинки в детство зарастают,
Уходит прошлое от нас.

* * *

Когда тебя уводит память,
В былые дали, с нежной грустью,—
Вдруг колыхнется в сердце пламя
И обожжет забытым чувством.

Мир неохватен и изменчив...
Но сердцу хочется, с закатом,
Еще хоть раз увидеть женщин,
Которых ты любил когда-то.

Их, словно не было и нету.
Но манит осень за ограду...
Их всех развеяло по свету,
Как листья поздним листопадом.

Изведав боль и Божью милость,
Пройдя сквозь белые метели,
Они, наверно, изменились,
Не сбереглись и постарели.

Их образ призрачен и дымен,—
Как сон, как марево лесное...
Но я их вижу молодыми
И чем-то схожими с весною.

* * *

Листопад на дворе, а на сердце глубокая осень.
По забытым местам белым лебедем память плывет.
Здесь, у дальней заимки, давно отзвенели покосы.
Здесь, у дальней заимки, закончилось детство мое.

За безлюдным холмом опадает румянец с околка.
Вянут гроздья рябины, и никнет белесый ковыль.
Мы торопимся жить, не жалея о прошлом нисколько,
А потом, как с надгробий, сдуваем с минувшего пыль.

Здесь когда-то отец, отпахав, молодым и здоровым
Уходил на войну, вот по этой любимой земле...
Он ушел навсегда... Зарастают травой дороги,
Только память еще тихой птицей витает в селе.

Над усталой землей потянуло осенней прохладой.
И плывут издалека видения давней поры.
В них сухая печаль и лугов вековая отрада.
В них щемящая боль и души запоздалый порыв.

Вот послышалось мне — где-то чуткие кони заржали,
И в рассветном дыму заблестела роса на траве...
Будто в детстве опять, я крапивою ноги ужалил,
И пьянящий туман закружился в моей голове.

От далекой поры только свет на березах остался.
А на месте заимки — крапива и куст бузины.
То ли сердце щемит, то ли лес, как в воде закачался...
Осень, душу мою листопадным дождем осеней!

* * *

Что я в жизни запомнил,— когда-нибудь спросят,
С чем любовью повенчана память моя?
Я отвечу: «Поля, у дороги — колосья
И осенний туман, где березы стоят,

На заросшем пруду белых лилий созвездья,
Под луною стога на душистом лугу»
Тихой родины свет, незабвенный, как прежде,
Я до самой кончины в душе сберегу.

Михаил Стрельцов
(г. Красноярск)

СВОЯ СКРИПКА

Член Союза российских писателей, Председатель Правления Красноярской региональной общественной организации «Писатели Сибири», заместитель главного редактора литературного журнала «День и Ночь». Член Литературного Фонда России. Организатор регионального поэтического состязания «Король поэтов», редактор многих литературных изданий. Живет в Красноярске

— Мама, я хочу скрипку!

— Опять за свое,— только и охнула мать.

Через год он сказал:

— Мама, я хочу играть на скрипке!

— Может, все-таки отдать его в музыкальную школу? — вопрос завис в воздухе.

— Сама виновата, водила по всяким филармониям,— буркнул из-за «Правды» отец.

Дорога в музыкальную школу запомнилась как изобилие красок, солнца и грез, они переливались, смешивались в одну невыразимую палитру счастья. Мудрая старая листва в парке в ожидании листопада приветливо перешептывалась: «Он идет! Он идет играть на скрипке!»

Приземистое сероватое здание школы казалось заманчивым просторным дворцом с гулками, пронизанными звуками коридорами. Пока мать говорила о чем-то с невозможно уса́тым, плотным, запряженным в португую директором, он всей грудью, всем своим существом втягивал специфический запах недавно побеленного помещения, в который вплетался терпкий аромат лакового покрытия на инструментах. Внезапно из-за серо-зеленой двери баян закружил «Полонез», ему вторила тяжелая поступь трубы, где-то лениво пробовал свои возможности рояль, и в неразбериху и блаженство звуков ворвалась чарующая скрипка, она заглушила все, взорвала пространство, и он, заколдованный, медленно побрел навстречу своей мечте. Музыка зазвучала громче и отчетливей. Заглянув в щель неплотно прикрытой двери, он увидел крохотную девочку с белым огромным бантом на голове и колышущимся в такт мелодии алым галстуком. Она уверенно прижимала скрипку подбородком и плавно водила смычком. Комната имела три окна, и солнце, казалось, врвалось со всех сторон, стремясь просветить насквозь девочку со скрипкой. Выводя звуки, девочка являлась нереальной из-за яркого светлого простора и танцующих солнечных лучей, она походила на ангела, именно ангела с алым галстуком, белым бантом и скрипкой...

Томительно и неуклюже текли день за днем, и каждый из них стал утомительной нервной борьбой человека и инструмента. Он помнил, как впервые взял скрипку в руки, разместил между плечом и подбородком и, когда она оказалась так близко, шепнул:

— Привет! Будем дружить?

«Би-и-иы»,— ответила скрипка, когда он осторожно коснулся смычком струн. Но позже она заупрямилась и стала выплевывать скрежещущие, рвущие перепонки звуки. Он не мог совладать с ней, пот змейкой скользнул по спине и обильной росой высыпал на лбу. Что же это такое? А он-то считал, что, как только начнет играть, скрипка сразу же зазвучит сама, выражая его чувства, мечты и надежды.

— Прекрати, терпеть не могу твоего пиликанья,— сказал отец и ушел, это было последнее обращение к сыну, потому что домой он не вернулся.

Они возненавидели друг друга; равнодушные скрипки, ее несговорчивость выводили мальчонку из себя. Ночами он вздрагивал от утомительного, нескончаемого сна: снилось, будто он — скрипка, не совсем, конечно, скрипка, а просто неподвижный, нелепый инструмент, по которому вместо смычка водят двуручной пилой; с одной стороны за рукоятку тянет огромная скрипка с завитыми в усы струнами, с другой — тянет отец и кричит: «Прекратить! В расход! Прекратить! В расход!»

Страх заставлял кричать и выбрасывать из сна.

А сейчас он сидел за длинным обшарпанным столом, на другом конце которого лежали скрипка и смычок. Больно и горько сжималось сердце, и от тоски он смотрел в окно, где по мутно-дождливой Фонтанке уплывали в безбрежность кораблики из желтой листвы. Коридоры оказались пустыми, узкими и темными, в них не было никакой сказочности, лишь надрывно бухала труба и маршировал баян, рояль же повизгивал, словно дернутый за усы щенок. В соседней комнате, как и месяц назад, мать разговаривала с толстоватым директором. Он не слышал, но знал, о чем они говорили.

— У вашего сына абсолютно нет слуха,— скажет директор.

А мама? Мама заплачет, она теперь часто плачет, и ничего не скажет. Подсознательно он чувствовал какую-то связь с исчезновением отца и отсутствием слуха у себя.

— Предательница! — прошипел мальчик, скосившись в сторону невозмутимой коричнево-глянцевого скрипки.— Если бы не ты, если бы ты не упрячилась, папа бы от нас не уехал.

И тут он внезапно понял, почему у него ничего не получилось. Просто это была НЕ ЕГО СКРИПКА! У каждого должна быть своя скрипка, и только тогда она будет играть, как у той пионерки с бантиком. Просто ему дали НЕ ТУ СКРИПКУ! Жестокость обмана потрясла детскую душу, он еще долго сидел, разглядывая, как река медленно покрывается корочкой льда,— коньки запылились на комод. И только когда вдруг, сразу, началось лето, мысли отогрелись, и он решил искать. Где-то есть ЕГО СКРИПКА, она лежит и ждет, ждет гармонии воссоединения со своим хозяином.

И он искал. Месяцы, годы... Первой попала на глаза скрипка двоюродного дяди. Ох, как загорелись глазенки! Как безжалостно и торопливо он схватил инструмент за гриф, словно душащий жертву «кулак». Пройдясь по струнам смычком, услышав знакомые хрипы, понял — эта скрипка тоже НЕ ЕГО. Жалко, что встречалось так мало скрипок, а ему нужно было найти свою. ЕГО СКРИПКА заиграет сразу, выплеснет какую-нибудь затейливую и изящную мелодию, и тогда... тогда вернется отец, и мама станет чаще бывать дома. В нетерпении он перебирал все, отдаленно напоминающее струны. Так пальцы привели к гитаре.

Но гитару взрослые слушать не хотели, и он уединялся с подростками-одногодками во дворе и дергал струны, изредка удивляясь своему голосу, потому что помнил про «абсолютное отсутствие слуха». Вскоре маленькие концерты в связи с холодами начали кочевать по разнообразным, но одинаково темным и компанейским подворотням и слюняво-пьяным кабакам-забегаловкам. Гитара, гитары! Сколько он передержал их в руках! Сколько натер мозолей на пальцах о жесткие струны!

Его били часто и жестоко, и он научился драться; на глазах ломали гриф об коле-

но, но теперь всегда находился друг в потертой до лоска кепочке, небрежно цыркающий сквозь зубы, который приносил новую гитару и говорил:

— Играй, братишка. А те скоты свое получают.

Появились «сопли» — постоянно сопровождающие, копирующие малолетки. Появились девчонки, замороженно наблюдавшие за размашистым движением пальцев по струнам, а потом покорно подставлявшие обветренные губы.

Но скрипка! Она оставалась такой же недосыгаемой. Со временем мечта затуманилась, а от возникших ясностей и понятий стала еще неопределенней, это давило, сжимало, пригибало. И потом внезапно вспыхнуло ярким осознанием необходимости любви. Не той, мимолетной, в изобилии подаренной случайными подругами, а именно чистой, гармоничной и ЕГО, ЕГО любви. Ушедшая в детство мечта вернулась горьким признанием, что он никогда не будет играть на скрипке — никогда! Но его девушка должна владеть изысканным инструментом. И часто возникали видения: стройная, аккуратно причесанная, в темном неброском платье, Она стоит у окна и играет, играет...

Как не соответствовал этот образ крикливо одетым, болтающим о шмотках подругам! Где ты, девочка с огромным белоснежным бантом и алым галстуком? Где ты, девочка, окутанная солнцем?

И он встретил ее, случайно, в парке, на гоп-стоп. Те же пухленькие губы, прямой высушенный нос, та же ложбинка на остром подбородке и большие темные глаза, над которыми вздрогнули от страха ровные черные брови. Давно был потерян памятный бант, и алый галстук сменили на комсомольский значок, но скрипка! сжимаемая тонкой, подрагивающей рукой скрипка в футляре!.. А он уже не тот сопливый пацан, учившийся глотать дым противных папирос и развязно цыркать сквозь зубы, его слова достаточно, чтобы трое угристых парней с «перышком-выкидухой» в кармане послушались.

— Посторонись, кореша. Пускай топают!

И взгляд, брошенный на долю секунды: в нем была не благодарность — нет! В нем затаилось презрение, прогнавшее напускную браваду. Она ушла, покорно прижимая к груди драгоценный футляр, спиной чувствуя раздевающие взгляды.

— А зря... Место менять надо. Сейчас мусора подвалит.

— Думаешь, заложит?

— А то... Чекистка она, батя ейный энкавэдешник. А ты не знал?

— Мой отец тоже красным командиром был в гражданскую...

— Ты и сам командир, да еще и с гитарой. Тикаем?

Рыжий с Лиговки оказался прав и даже дал нужный адрес.

Одетые в бронзу, тоскующие по старому режиму дома, хватающие трещинами плющ, уютные старички на скамейке за шахматами — и музыка! музыка! Оттуда, со второго этажа, упрятанная за чугунные перила балкона, паутину оконной занавески, она все-таки вырывалась из-под струн! Касалась тонких бледных пальцев, уходила эхом в высокие потолки и, отражаясь пространством и облаками, попадала прямо во двор, по назначению, за высокий разлапистый клен, помнящий кровавый январский бег и разухаб-гулянье прибывшего на выставку Коровьева. Там, за кленом, чуткие уши под вышарканной кепкой с чужой головы ловили каждую ноту, каждое дрожание смычка уже вторую неделю.

— Опять завела свою шарманку,— лениво скажет уютный старичок, передвигая ферзя.

— Учится девка, пусть учится,— слабо сопротивляется голос партнера.

— Каждый день ведь пиликает.

— Ну и что?

— А зачем?

— Учится, руку набивает.

— Скажешь тоже,— старик в задумчивости сунул ферзя на край чужого поля.— Это шашкой махать — надо твердь в руке чувствовать. Заглушает она, ясно?

— Чего ей заглушать? — недоверчиво переспросил собеседник.

— Разговоры ихние бухаринские да худое про союзников, чтобы народ не услышал.

— Удумал! — уже не так смело возразил второй старичок.

— А то! Зашел как-то... соли попросить — а на столе книжка раскрытая,— дед перешел на шепот.— Есенин, видал?! А на днях газетку выкинули, а там речь Самого карандашом кое-где подчеркнута. А ты говоришь — учится! Заговор это.

Музыка оборвалась так внезапно, что подозрительный старичок вздрогнул. Занавеска всколыхнулась и пропала, скрипнула дверка, и Она возникла на балконе, высматривая что-то или кого-то во дворе. Когда их глаза встретились, он понял, что нашла. Ругая себя за неосторожность, заставившую покинуть разлапистый клен, юноша спешно ретировался, а вдогонку ему были посланы улыбка и Чайковский со струн.

Но на следующий день Он вернулся, зная, что играют именно и только для Него. Два обожаемых создания — ЕГО скрипка и ЕГО девушка — слепились в один благоносный восторг, принуждающий забыть развеселых дружков и вечно усталую мать.

— Гляди. Ухажер-то опять здесь,— толкнул соседа вечно проигрывающий старичок.

— Связой это. Она ему пикиканьем сигналы передает,— проворчал подозрительный.— Погоди, недолго им осталось.

А Он уже знал номер ее телефона, по которому никто не отвечает.

Когда ждешь солнца, а внезапно хлынет мерзкий незванный ливень, так же грустно и неуютно от оставшегося с детства чувства обиды и обмана, как и когда собираешься с духом, нарвешь цветов с городской клумбы и на одном порыве дыхания прибежишь на ставший близким старенький дворик, стряхнешь пылинки с лучших и, к сожалению, единственных фланелевых брюк, ожидая наслаждения музыкой и собственной смелостью, а в ответ получаешь оглушающую тишину и ждешь, ждешь, когда же смычок позовет солнце. И утомительность, и неизвестность ожидания постепенно наполняются зловещей тревогой, длящейся бесконечно долго. Вот же она! — мелькнул знакомый силуэт за окном,— вышла на балкон, спешно выстрелила потускневшим взглядом во двор и скрылась,— ну почему же не играет?!

Любое терпение имеет пределы, и, достигнув такого предела, человек способен на все, даже на решительные скачки по ступенькам и на требовательный звонок в чужую квартиру. Она как будто ждала. Массивная дверь сразу же распахнулась, и в солнечном свете предстала в строгом темном платье, в туго стянутой прическе, с решительно сдвинутыми над переносицей гордыми бровями, с припухшими глазками, в руке — неразлучный футляр со скрипкой. Она шагнула за порог и, прерывисто дыша, приказала:

— Идем,— отобрала увядающий букет и отбросила в сторону такого элитного мусоропровода.

Неприветливый душный вечер, перенасыщенный тревогой и пылью, стелил перед ними тротуары. Красная полоска заката на западе затянулась сгустившейся дымкой. Более часа брели по засыпающим улочкам города, вышли на Невский, где неизменный Александрий хмуро и недружелюбно наблюдал поверх Дворца за размеренным, черным, до бесконечности тоскливым движением Невы. Каким же ему еще быть, если воды текут мимо траурной Петропавловки?

— Уйдем отсюда,— прошептала Она, и это были первые слова, произнесенные за время спонтанного, мрачноватого свидания.

Как неосторожная кошка, из-за угла прошелестел грибной дождик. Паренек предложил было посетить кинотеатр, где разбитная Орлова пела о Волге-Волге, но

вместо этого поволок спутницу к трамвайной остановке. Верная гитара почему-то стала лишней, неприятно постукивая по спине, приобрела значение желтоватого неудобного горба. А футляр со скрипкой... ох, этот непреклонный футляр, где хранились чудеса звуков, сжимаемый прохладной девичьей рукой, почему ты постоянно возникал между ними, как только мальчишка пересиливал в себе робость и решался обнять и прошептать те слова, что звучат чепухой, но только не во сне? Нет, то не футляр и даже не скрипка. Их хозяйка не желала слов. Ее походка, целеустремленная фигура, решительное лицо — выражали неприкрытое желание отдаться на волю судьбы, но огромные жгучие глаза отталкивали пренебрежением, словно Он, человек, мечтавший играть на скрипке, был чем-то естественным, постоянным, как старая мебель, и не заслуживающим внимания.

Город уснул. Еще слегка шелестели двери парадных, ворчливой гусеницей сворачивались за окнами мамы, только что звавшие домой всяких Маш, Коль и Свет, сиротливо поскрипывали брошенные качели, вяло зажигались и тухли глаза многоокого чудовища — Питера, позвякивал одинокий трамвай, словно крохотный колокольчик в лапе новогодней ели. Чрево парка, где он так недавно шалил с друзьями, вытрясая мелочь из карманов незадачливых прохожих, принимало их, вернувшихся из пасти дракона, не съеденных в силу ненужности и неприютности. Скоро — знакомый дворик с вечным кленом и подступающая досада перед прощанием. Ребята поднимут на смех, если узнают, что их дружбан часа три таскался с девчонкой и не только не «обломал», но едва ли перекинулся парой слов. Они шли совсем рядом, но пропасть между ними, бравшая начало в измученных, затравленных девичьих глазах, теряла свои берега за горизонтами. Пропасть ассоциировалась с музыкой, с вечной тоской Шопена и бешеным вальсом Чайковского. Что общего у гитары и скрипки? Что роднит полярную и белую ночь?

Скамейка. Простая, неказистая скамейка, над которой прохладная листва напевает свою неизменную журчащую мелодию. Скамейка, на которую они, не сговариваясь, присели. Бережно уложили инструменты: на одном краю — уставшая от болтанки гитара, на другом — строгая, образцовая скрипка в футляре. А между ними — два слегка продрогших силуэта, один из которых, повинуясь вечному долгу мужчины, накрывает плечи другого потрепанной курткой, рискуя долго дрожать под промокшей ситцевой рубашкой. И эту дрожь никуда не деть, только выплеснуть, зажечь теплом поцелуя; уже осмелевшая рука ложится поверх плеч, уже стыдливо отворачивается месяц, перевидавший на своем веку сотни тысяч поцелуев... Но плечи уходят вбок, оставляя в судорожно сжатых пальцах сделавшую свое дело куртку.

— Не сейчас. Не надо. Ты прости. Все так... сложно,— она стоит в полумраке, бледнее месяца лицо, призрак спрашивающий.— Хочешь, я сыграю тебе?

Тонкие руки музыкантши, не дожидаясь ответа, торопливо раскрывают футляр, нервно и трепетно хватают смычок. Остренький, с ложбинкой, подбородок, вздрогнув, элегантно касается подушки на корпусе. Боже, какое наслаждение созерцать грациозную, полувидимую, словно несуществующую фигуру, прислушиваться к замирающему шороху листвы, отступающей перед Огинским! Музыка струится из-под пальцев, и каждый звук, вытекающий из темного ночного парка, неземным блищем перемигивается с месяцем и звездами. Но что это? Фальшь? Ошибка? Мелодия перепрыгивает в визгливую бравату, руки-крылья, пламенный мотор кромсают волшебство, затем — резкое, вызывающее; кричащий от боли протеста инструмент надсадно плачет, не в силах противостоять насилию над ним. Недоумевающий паренек хватается гитару и подхватывает знакомое:

Мурка — ты мой муреночек.

Мурка — ты мой котеночек.

Мурка, Маруся Климова...

Испытывает ожог, наслаждение: Она — с ним, Она — Его! Но внезапно экстаз переходит в разочарование и опустошает. Зачем?! Это же мелодия не для скрипки! Гитара больше не поет, брошена наземь.

Безжалостно прерывается дуэт и молчанием скрипки, и режущей ухо тишиной, через которую прорывается стон:

— Дрянь! Только ты во всем виновата!

— Не надо! — дрожь протыкает насквозь ледяными иголками. Он пытается хотя бы криком остановить неотвратимое.

Но взмах руки безжалостен, удар слишком силен — глянцевого бок скрипки врежется в шершавый ствол клена.

«Брян-н-нг», — на прощание спели струны, и щепки метнулись во все стороны подобно встревоженным голубям.

— Зачем?! За что?!

Одна из щепок отскочила настолько далеко, что проткнула сердце, и даже слезы, брызнувшие из глаз, не залечат эту рану.

Девушка прижалась к Нему и долго рыдала, прощаясь с юностью и музыкой. Но пропасть переросла в пустыню. Ведь это была ЕГО СКРИПКА, и Он почувствовал это. Достаточно было бы тронуть струны, и музыка зазвучала бы сама. Это была ЕГО скрипка...

— Они посадили моего отца. Они... Сделай что-нибудь, ну! Сделай со мной! Что же ты? Топчите, вминайте! Пусто же! Противно... Не могу больше! Прости. Не прощай.

Одинокий силуэт в черном платье, только что превратившийся было в дьявола, опомнившись, выскользнул, бесшумно растворяясь в ночи. Возможно, навсегда.

Оставленный на скамейке раскрытый футляр зевом гроба ожидал мертвеца. Юноша опустил на колени и с усердием принялся разыскивать во тьме частички смертельно раненного инструмента...

...Воет за окном, метет. Стучится в окно пулеметная дробь снежинок. Или опять обстрел? Холодно. Высохшие пальцы с узелками вен тщетно пытаются согреться о бесчувственный бок буржуйки. Слава Богу, голод пока отступил, затаился. Но холодно! Старая, ошетилившаяся ветхостью шуба совсем не греет. Шуба, подаренная еще мужем... Шаль, купленная сыном... Огонь замирает, дремлет. Узловатые пальцы перебирают треугольники конвертов. «Мама, мы вчера рыли траншеи, я натер мозоли во всю ладонь. Но это ничего. Я просто представил, что лопата — это моя скрипка, она играет, делает свое дело. Винтовка тоже скрипка, мама. Она так же надежно упирается в плечо. Как ты там? Не волнуйся, вскоре мы разорвем кольцо вокруг города. И начнут возить продукты. Но все-таки почему-то страшно. Не представляю, как я буду стрелять. Может быть, тот, кого я убью, смог бы починить мою скрипку?..»

Мелкие бегущие бугорки огня просят пищи. Толчком из желудка вылетает нож голода. Треугольники летят в пасть буржуйки, и прожорливый рыжий язык слизывает их за мгновение.

Приезжай, сынок, как можно быстрее! Одиноко и холодно в пустой квартире. Никогда не думала, что она такая просторная. Еще бы: стулья сожрал огонь, старый сервант обменян на буханку, стол — твой письменный стол! — его хватило на четыре дня. Как страшно ночь бухает артиллерией зениток. И этот вой! Это не метель, это зов в убежище. Приезжай, сынок. Только ты... остался... и спасешь.

Трубочкой пепла свернулось «починить мою скрипку», ненасытный язык ждет. Женщина и огонь ждут твоего приезда, а пока обязаны кормить друг друга, чтобы жить. Непослушные, онемевшие руки раскрывают черный футляр, и слой пыли с его поверхности мечется в холоде пространства. Твои желтые от клея пальцы нерешительно мяли потухшую папиросу в тот жаркий, душный июнь. Не успели! Струны,

где же струны?! Без них — как без лица, желтая, склеенная, с зазубринами недостающих щепочек, но целая! хрупкая скрипка вывалилась из женских рук. Почуввав пишу, язык буржуйки встрепенулся. Сейчас он погаснет, и тогда — холод, холод, смерть...

Мы ждем тебя, сынок, ты поймешь... Где-то тут был топорик? Гудит, воеет за окном. Пасть печи хищно скалится, шипя: «Я люблю... Я люблю скрипки!» Язычок неуверенно шарит, пробуя на вкус полировку инструмента; впился, разгрыз, покрывая черной слюной гари. Тепло, тепло. Я жду, сынок.

Где этот трезвон? За окном? Нет, дверной звонок. Неужели почта? Скрипят под ногами пыльные половицы. Как тяжелы метры до прихожей! Как ломит суставы от каждого движения! Шуба, подобно медведю, навалилась на плечи. Огонь в одиночестве пьет клей.

Какая-то девушка. Почему она плачет? Слезы индевеют прямо на щеках. Сейчас холод по ним заберется в глаза — единственное, что можно рассмотреть на бледном лице, и тогда эти большие темные озера превратятся в сплошной лед. Мертвые, заледенелые глаза, как на фотоснимке. Это не девушка! Фотография! Та самая, что стояла на ЕГО письменном столе. Те же черточки бровей, ложбинка на восковом подбородке, губы что-то шепчут. Мохнатая варежка скользнула по тощей сумке с эмблемой «МИНСВЯЗЬ» и упала на порог. В руке протянутый кусочек бумаги.

Как тяжела шуба! Какой знакомый голос, ЕГО голос:

— Мама, не читай! Не мешай мне играть на скрипке!

Александр Захарченко
(г. Красноярск)

Родился в 1941 году в г. Омске. С 1964 года живет в г. Красноярске. Стихи пишет с юных лет. Печатался в газетах: Красноярский рабочий», Красноярская газета», Сегодняшняя газета», «Удачный экспресс», «Литературный Красноярск», в альманахах: «Московский Парнас», Новый Енисейский литератор», «Русло», в коллективных сборниках: «Поэзия на Енисее», «День поэзии Красноярского края», «Посвящение в рыцари», «Момент истины», «Сестры и братья», «Деды и внуки», «Мужская компания», «Скрипичный концерт», «Небесный свод стихов», «Гололедица», «Шаровая молния», «Вольные птицы» и многих других, в журнале «Литература Сибири». Автор поэтических книг: «Любовь и жизнь» (2001 г.), «Капли дождя» (2002 г.), «Катарсис» (2003 г.), «Птица счастья» (2004 г.), «Встреча у крыльца» (2006 г.), «Я — робот» (2009 г.). Руководитель литературного общества «Русло», редактор-составитель альманаха «Русло», член творческого клуба «Московский Парнас». Лауреат премии альманаха «Новый Енисейский литератор» (2007 г.), лауреат премии ассоциации «Интеллект и культура» (2007 г.).

ВОЗДУХ РОДИНЫ

Впереди за мерцающей дымкой
Горизонт, ускользающий в даль.
Я иду... И мне, в каждой травинке,
Пожелтевшую часть ее жаль.

Им не надо палящего зноя,
Что грозитя дождя не пролить...
Да, и мне, благодатной порою,
Воздух Родины хочется пить.

И не строя далекие планы
И миражную цель,
Выйду я на лесную поляну,
Где берез и осин карусель.

И в траву упаду, закружившись,
Отуманясь от радостных чувств,
Всех пойму на Земле раньше живших,
И услышу сухих веток хруст.

А, вернувшись в черту городскую,
Из нее буду снова бежать,
Потому — в суете затоскую...
Просто нечем мне станет дышать.

СКВОЗЬ ВЕТЕР

Ветер... Холод ознобом по коже.—
Хорошо, что тепло на душе.
Я тебе позвоню чуть-чуть позже...
Приготовь мне, пожалуйста, щей.

Скоро, скоро сквозь ветер мне встречный,
Сквозь ряды придорожных ларьков.
Дома буду... Задашь вопрос вечный
О любви, что во веки веков.

И тогда я, тебя обнимая,
Поклянусь снова в тысячный раз,
Что люблю лишь тебя... и не знаю
Столь прекрасных, чарующих глаз...

Чтобы мог я вот так же стремиться
К ним навстречу сквозь бурную хлябь,
Чтобы мог, как в тебя, я влюбиться
В эту желто-осеннюю рябь.

Чтобы был нипочем любой ветер
И по коже колочая дрожь,
Чтобы миг любой: утро ли, вечер,
Был в любую погоду хорош.

КАКИМИ МЫ СТАНОВИМСЯ?

Стучат тик-так будильники и ходики.
Везде трезвонят телефоны-сотки...
В автобусе, в троллейбусе, в трамвае,—
Желания людские не скрывая.

Сигналы разные: и зуммеры и трески.
И разговоров темы: деловые фрески...
И о любви, и просто так — о быте.
Да, мало ль есть на свете всех событий.

Вот тренькнуло... Опять пришло сообщенье...
Мобильна связь — мобильное общенье...
И речь словами молодежи — слэнга.
И радостно: «Ты слышишь меня, Генка?»

Все упрощенно: «Есть для нас чувихи!»
И мы все слышим... Мы в центре всей шумихи.
Что этика? — нет дел до пуританства.
У разума сжимаются пространства...

Язык другой... Запретов нет с барьерами.
Все больше стало мачо с кабальерами,
Свиданий стало мало...— Встречи с телками...
Как будто в головах вдруг враз защелкнуло.

Везде трезвонят телефоны — сотики...
Телеэкран... Нашествие эротики...
И секса... Про любовь слова другие.
Какими мы становимся?... Какими?..

НАЕДИНЕ С ПРИРОДОЙ

Мы наедине с тобой, природа...—
Ты и я, и больше никого.
Осень ли, другое время года,
Шум... И город где-то далеко.

Листья желтые, дождинки и снежинки,
Иней на траве... или роса,
Град, сосульки, речки и кувшинки,
Или васильков твои глаза.

Тишина... Лишь шорох и шуршанье...
Скрип и ветер чашу бороздит.
Чистый воздух... Мысль... Ожиданье...
Что вот-вот и ангел прилетит.

Хорошо в любое время года
Нам с тобой пробыть наедине
Лес... Тропинка... Арка небосвода...
Чувство пробуждения во мне.

Сергей Прохоров

(Нижний Ингаш. Красноярский край)

PERSONALIA

Прохоров Сергей Тимофеевич — автор восьми книг стихов и рассказов, вышедших в краевых изданиях Красноярска. Участник Всесоюзной встречи литераторов в Красноярске в 1989 году, где был замечен В. П. Астафьевым. О поэтическом творчестве Сергея Прохорова тепло отозвались профессиональная газета Союза писателей России «Российский Писатель», газета «Патриот» (Москва) и литературно-художественный журнал «Вертикаль» (Нижний Новгород). Печатался в журнале «Юность» (Москва), «Вертикаль» (Нижний Новгород), «Наше поколение» (Кишинев. Молдова), «Рукопись» (Чикаго, США), «Великороссь» (Москва), «Новый литератор» (Москва)... Задумал и начал издавать с 2006-го года межрегиональный литературно-художественный журнал «Истоки», который уже получил положительный отзыв краевой и столичной прессы и благословление российского классика деревенской прозы Валентина Распутина.

* * *

То веточка хрустнет,
То шипа уколет...
Брожу, потакая
Родимым местам.
Немножечко грустно,
Что лето уходит,
Но, Боже, какая
Вокруг красота!
Я краешком дня
В этом чуде коротком
Иду, как спросонок,
Чтоб мир обрести...
У старого пня
Золотым самородком
Веселый опенок
На солнце блестит.

ТАК ЧЕРЕМУХА ЦВЕЛА!

Вьется речка синей лентой
Средь зеленых берегов...
Как мы долго ждали лета,
Ошалевши от снегов!

ПРИГЛАШЕНИЕ В ЮНОСТЬ

Любви твоей ко мне всегда я рад,
Любви своей к тебе я не растратил.
Давай с тобою встретимся вчера
На юности затоптанном квадрате.
Где ждет тебя романтик-оптимист,
И ждать теперь уже не перестанет,
Где вечно полупьяный баянист
Опять меха фокстротами растянет,
Где будем танцевать мы до утра,
Покуда сил и молодости хватит...
Давай с тобою встретимся вчера
На юности затоптанном квадрате.

ЭКВИЛИБРИСТИКА

Любви — синхронности,
Синхронности — любви
И все тогда, наверно, состоится,
И чувств труды окупятся сторицей,
И кто-то всех открытjem удивит.
Руки ли жест,
крыла ли плавный взмах —
Все видится в согласии с природой:
И страсть и боль,
и песнь стиха, и роды,
Рожденные в сердцах, телах, умах.
Стремлению и пластике души
Непросто удержаться в равновесии.
И если мы живем легко и весело,
То, видимо, умеем мы дружить.

ВЕРА

Как жадно в юности я пил
Зорь родниковую прохладу,
Как сказки всякие любил
Про жизнь счастливую, про клады.
Я в это верю и сейчас,
Все так же жадно мир вдыхая:
Придет мой день, пробьет мой час
И враз все выплеснет до края.

НЕОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ ЛЮДИ

Я знаю — мир не абсолютен,
Но что поделаешь уж тут...

Необязательные люди
Меня безжалостно гнетут.
Они везде, они повсюду:
И где светло, и где «завал».
Они, в сердцах, не бьют посуду,
Но «убивают» наповал.
И вновь нас ждут, и вновь нас любят,
Чтоб обмануть потом втройне...
Необязательные люди
В необязательной стране.

БЕССМЕРТИЕ

Пройдут десятилетия, века,
Вновь где-то вспыхнут
и погаснут войны...
И будут все живущие довольны
Хмельному ветру, запаху цветка.
И босыми ногами по росе
Все так же будут бегать чьи-то дети...
Покуда жизнь теплится на планете,
Мы смертны все,
и мы бессмертны все.

С НОВЫМ ГОДОМ!

С неба льется лунный свет
Музою Богемы.
Хорошо там, где нас нет,
Ну а лучше — где мы.
По ТВ идет кино
Голубой дорожкой.
На столе стоит вино
С жареной картошкой.
Кто нам выпить не дает?!
Не было б печали...
Снова встретим Новый год,
Как всю жизнь встречали.

